

Итак, «Портвейн меланхоличной художницы». Название для сборника рассказов, как признается автор Елена Сафронова, было сгенерировано ею из Мировой паутины. Уже одно это признание вызывает желание прикупить португальскую версию знаменитого вина и, устроившись в кресле-качалке у камина, начать неспешное чтение, запивая каждый рассказ мелкими глотками гаррафейры (редкий и сложный тип портвейна) урожая 1977 года.

Но для начала сделаем акцент на словосочетании, которое в названии. Меланхоличная художница. Меланхоличная. Меланхолия.

«В древние времена считали, что меланхолия – это такая темная жидкость, исходящая из человеческого тела, что-то дьявольское, а сами меланхолики – особые, странные люди, которые видят то, чего не видят другие, больше знают и могут предсказывать события, поскольку им доступна суть вещей». Это высказывание датского режиссера Ларса фон Триера. Запомним его, возможно, к нему придется еще вернуться.

Тринадцать текстов – это фактически футбольная команда с двумя запасными. Причем в качестве вратаря я бы выбрал рассказ-воспоминание «Школа как школа». Он существенно отличается от других «полевых игроков». Дело тут не в том, что голкиперу разрешено играть руками, – этот личный, можно сказать, документальный текст в какой-то мере цементирует всю схему книги, объясняет ее, точнее, дает представление о том, откуда, собственно, писательские наклонности у автора. К примеру, прочитав «Школу...», начинаешь понимать, почему в состав сборника включены рассказы «Бла-бла-бла» и «Дурной сон», которые, на первый взгляд, не должны бы присутствовать в сборнике.

Они ведь повествуют о прошлом нашей страны, о ее истории – Великая Отечественная война, сталинские репрессии. При этом вся книга, в общем-то, о современной жизни, о бытовых ее моментах. «Школа как школа» по стилистике и не рассказ вовсе. Это текст писательницы о себе, о том, как она выбрала для себя профессию историка. Таким образом, Елена Сафронова как бы подчеркивает, что именно прошлое для нее является тем источником, который питает ее творчество. Но не будем строить догадки. К тому же у каждого свое восприятие. Может быть, кому-то проза Сафроновой покажется не футболом, а, скажем, фигурным катанием. Причем женским его видом. Почему нет?

Наиболее выгодно, на мой взгляд, в книге смотрятся рассказы, в которых главным героем выступает... как вы думаете, кто? Угадали – женщина. Она самая. Обозреватель информационного агентства Юлия Белостолбова («Ты прекрасна, возлюбленная моя!»), проститутка Даша Пастухова («Бронетанковый аккорд»), молоденькая поэтесса Анна Ларцева («Дебют»), журналистка Женька Мелехова («Милостыня»), прикольная, пишущая стихи Изабелла Соловьева («Портвешок»), влюбленная студентка Анфиса («Гонолулу»), художница-библиотекарь Изабелла («Вольтова дуга») – все они хрупкие, неприспособленные к жизни существа, которые тем не менее пытаются вырвать у судьбы хоть немного жизни. Они как те пресловутые лягушки, взбивающие молоко до консистенции масла; только взбивают не молоко, а российскую нашу действительность.

И все сафроновские женщины достойны лучшей доли, лучших принцев, а главное – любви. Хоть самой капельки. Их нужно носить на руках, смотреть на них с неизменным обожанием и нежностью. Но они – такие талантливые, ответственные, надежные, преданные, готовые на самопожертвование – сами дарят подарки своим возлюбленным, делают предложения слабым безликим мужикам, страдают от одиночества.

«Одиночество, Дима, полное, до конца дней, и когда я умру, я буду лежать в запертой изнутри квартире, пока черви к соседям не поползут!..» – в отчаянии изливает душу своему другу Изабелла из рассказа «Вольтова дуга».

Эти ползущие во все стороны черви – и есть меланхолия. Они проникают в каждый рассказ.

Юлия Белостолбова («Ты прекрасна, возлюбленная моя!») в диалогах с мужем – никчемным мужичонкой, который нигде не работает и сидит на ее шее, – блещет остроумием, сарказмом, ехидцей. Но он совершенно не понимает ерничества в свой адрес. Их разговор напоминает беседу глухого со слепым. И это кажется фантастичным, выдуманым, точнее надуманным.

Таких надуманностей в книге хватает. Есть ощущение, что автор намеренно, искусственно создает ситуацию для главного героя, чтобы у него была возможность развернуться и, что называется, рубануть. Так и получается. К примеру, Юлия придумывает аферу, в результате которой ее нелюбимый муж попадает на скамью подсудимых. А в «Милостыне» Женька Мелехова – «рыжая, заводная... беспричинно веселая, безобидно кокетничающая» – для своего возлюбленного, попавшего в страшное ДТП и лежащего в коме в реанимации, «обналичила весь свой долларовый счет, оставшись без копейки на черный день, накупила на складах дефицитнейших лекарств». При этом она осталась без работы, не согласившись с заданием редактора написать колонку об этом дорожном происшествии. Кстати, совершенным деспотом и тупицей

выведен главный редактор газеты, где работает Женька, а коллеги-журналисты – бессердечными, не способными даже на толику сочувствия. Не знаю, заставляя написать статью о близком человеке, – кажется, это из мира фантастики. Впрочем, в нашей реальности таких ситуаций (а то и хлеще) может быть хоть пруд пруди.

Однако о реальности ли идет речь в «Портвейне...»? В той же «Милостыне» автор предлагает две концовки. И какую из них выбрать читателю? А в «Бронетанковом аккорде» целых три концовки! Опять муки выбора. Писатель не заботится о комфорте читателя, он выплескивает себя. Выплескивает без остатка. При этом торопится, допускает какие-то неточности, то в эпиграфе у нее песню «поет» Таня Буланова, хотя приведены слова из песенного репертуара Татьяны Овсиенко («Вольтова дуга»), то напутает с воинскими званиями («Бла-бла-бла»).

Но главное не это. Впечатляет стилистический размах, динамика, шикарный технический диапазон, которым пользуется Елена Сафронова, и ощущение, что ты читаешь нового Борхеса – российскую версию латиноамериканского авангарда. Один рассказ написан в духе киношного сценария, в другом идет неспешное повествование, в третьем упор сделан на диалоги и монологи, четвертый назван анекдотом, еще один – сказкой. Но в каждом из них ощущается меланхолия.

«Сюжетов в жизни, как известно, немерено, и поэтому надо очень захотеть, чтобы не выбрать из них ни одного даже нейтрального, а не то чтобы радостного», – эти слова из «Вольтовой дуги» похожи на творческую установку. Видеть жизнь «в дымчатых полутонах пессимизма» – своеобразное писательское кредо Елены Сафроновой.

Главный редактор журнала «Вопросы литературы» Игорь Шайтанов в предисловии к книге называет рассказ «Дебют» «визитной сафроновской карточкой, демонстрирующий все особенности ее причудливой гротесковой манеры». На мой взгляд, это не совсем так. Своеобразной визиткой, представляющей книгу, я считаю «Портвешок», который заявлен автором как анекдот перестроечной поры. Действительно, начало в рассказе веселое и задорное, а дальше автор одним махом превращает анекдот в нечто большее. Вот как подается главная героиня Изабелла Соловьева: «Волосы имела цвета “Портвейна № 33”, налитого в чистый граненый стакан, глазки голубенькие, щечки, правда, бледные, зато губки розовенькие и бантиком. Еще имела отца-алконавта, мать-учительницу, бабу с дедом в деревне, бабу в городе, незаконченное высшее образование и талант к написанию сентиментальных стихов»... Яркий рассказ, хотя концовка ожидалась другой – более ударной, анекдотичной, что ли. Но бог с ней с концовкой, понятно, что у сильной вещи, начинаемой легко и непринужденно, которая пишется не где-нибудь, а в провинциальном городке, хеппи-энда не должно быть, в принципе.

Кстати, о провинции. Елена Сафронова, кажется, знает о современной русской глубинке почти все. Описания провинции – на загляденье, точны и удачны. «В летний будний день Похвалыньск являл собой сонное царство. Еще ни один прохожий не встретился девушке – и не обогнал ее. Еще ни одна машина не пропрыгала по остаткам асфальта. Частные домишки, окруженные пустырями (невезучими огородами), и редкие двухэтажные постройки, в героическом прошлом бараки, казались вымершими. Словно вымер весь городишко, и окраина, и центральный типа проспект» («Гонолулу»).

Писательница часто ставит своих героев в неловкое положение: «Встала она не эстетично, подняв сначала заднюю часть тела и лишь

потом голову, страдая от сознания собственной некрасивости в эту минуту, и, оглянувшись по сторонам, увидела только, что троллейбус уже совсем близко» («Дебют»).

Иногда, кажется, что через своих героев автор сражается за правду и справедливость, клеймит в своих произведениях все, что ей чуждо, что она считает неправильным. Она будто ведет битву, при этом цинично подкалывает, издевается, сводит счеты. И все же, присмотревшись, понимаешь, что таким образом она колет себя, свою обнаженную ранимую душу. При этом Елена Сафронова дает понять, что подобная терапия и иглоукалывание не дадут никому спокойствия. Вот как она описывает посещение храма пьяной женщиной: «Когда она выговори-лась и ощутила некоторое облегчение, купила на последние копейки самую бедную свечку и протянула руку к шандалу, поставить свечу Богородице. Свеча упала. Изабелла подняла ее, зажгла и утвердила в должном ложе, но на душе ее стала немота, страшнее, чем утром. Она истолковала случившееся так, что небо не с ней, и вышла из церкви, не осенив себя прощальным крестом» («Вольтова дуга»).

В заключение вернемся к определению Ларса фон Триера. Вопреки утверждению датского режиссера меланхоличный автор «Портвейна...» предсказаниями не занимается, скорее, он копается в прошлом. Причем Елена Сафронова пытается разобраться не в себе, а в окружающей среде, при этом четко осознавая, что изменить вряд ли что получится.